

1

16 декабря 2022 года я проснулся, как обычно, около четырех утра, включил настольную лампу и радио, прошел на кухню, поставил кипятиться чайник, после чего отправился в совмещенный санузел, где с облегчением помочился. В зеркале отражалось мое заспанное лицо, редкие седеющие волосы, впалые щеки, мешки под глазами, поперечная тонкая морщина во весь лоб. Накануне мне исполнилось 49 лет, я отметил его в одиночестве на очередной съемной квартире: четвертная бутылка коньяка, шоколад и нарезка брауншвейгской колбасы. Приняв душ, я вернулся в комнату, открыл календарь в телефоне и выяснил, что юбилей выпадает на пятницу. С того момента я впервые ощутил, что такое депрессия по смехотворному для мужчины поводу. Но мне было не до смеха, отныне ежедневно меня не покидала мысль, что вот-вот и я стану безнадежным стариком. Конечно, я пытался взывать к разуму, напомнил, что в 50 Лев Толстой только-только расписался, то есть приступил к созданию своих лучших произведений. Мотивация была убедительной, но не работала. Зиму я провел в унынии, встречи с друзьями отвлекали, конечно, но ненадолго. Я возвращался домой и впадал в тревожное состояние. Не особо выручала и влюбленность в молодую красивую женщину, которая мне симпатизировала, что помогало некоторое время думать, что печаль моя и глупа, и надуманна. Однако к весне я совсем сдал.

В первых числах марта мне встретилась в кремле, где я иногда прогуливался, благо живу в пяти минутах пешим ходом, моя подруга, журналистка, десятью годами моложе меня. Мы редко видимся, так как она давно переехала в Москву, вышла повторно замуж и в Нижний Новгород приезжала редко. Родители умерли, дочь поступила в Петербурге в Горный институт, в общем, встреча была неожиданной. Я рассказал ей о своей

депрессии, о том, что жена и сын прекрасно живут в другом городе, что мы не в разводе, что помогаю ежемесячно деньгами, что любовниц у меня нет, а главное, что не понимаю, что мне дальше делать, в сердце поселилась тоска и наметилось полное отсутствие желаний, кроме как лежать на диване и спать. Она меня отругала, как водится у добрых друзей, заявила, что я умен, все так же обаятелен и валяю дурака совершенно напрасно. Выяснилось, что Ольга бросила СМИ, выучилась на психолога и на сексолога, имеет какие-то дипломы или сертификаты, что счастлива, потому что сменила род деятельности – раз и что реально помогает нытикам – два. Я в ее понимании был классический нытик. Тогда я попросил ее заняться мной, почему бы не провести онлайн-курс терапии, так как у меня точно проблемы с головой, а незнакомым врачам я не доверяю, правильнее сказать, я их боюсь. Ольга ответила категорическим отказом, сославшись на то, что у нее принцип не консультировать друзей и бывших любовников. Я подпадал под обе категории.

– Но я тебе помогу, передам с рук на руки великой Наташеньке Вячеславненьке.

– Кому? – удивился я странному имени.

– Наташенька Вячеславненька – психотерапевт и ангел, именно она вправила мне вовремя мозги, и теперь я успешный психолог, востребованный сексолог, счастливая жена и безупречная любовница.

– А раньше была не безупречная?

– Нет. Вот теперь я делаю *это* безупречно, просто виртуозно, мастерски, – серьезным тоном сказала рыжая бестия. Я пожал плечами, не зная, как надлежит реагировать на подобные заявления.

Оказалось, что всемогущий ангел проживает в Нижнем, более того, на одной со мной улице. Только я живу на Покровке у Театральной площади, а она ближе к площади Горького.

У меня нет опыта общения с врачами, я никогда не бывал на больничном, не ломал конечности, чтобы меня оперировали, правда, один раз сдавал кровь лет в 35-36, и то чтобы лишь успокоить супругу, которой казалось, что у меня начался диабет. Сахар был действительно повышен, однако незначительно, и ноги моей у докторов более никогда не было.

Я согласился на психотерапевта со странным именем скорее для того, чтобы развлечься. Зимой ходил пару раз в храм святых Жен Мироносиц, но душа моя не обрела покой и уж тем более я не развлекся.

– Напишу ей вечером, попробуй не прийти, она уникальная тетка, обслуживает только богатых и влиятельных.

– Я совсем не богатый и ни на кого не влияю.

– Ты блатной. Пойдешь по кремлевской квоте. По секрету: весь губернаторский аппарат к ней бегают. Работа адская, нервы у всех расшатаны. Кремль она принимает с 10-процентной скидкой, плюс от меня лично еще 10 процентов сбросит. Одно условие: не говори, что у нас с тобой было. Ты мой двоюродный брат.

Так неожиданно я стал клиентом загадочной Наташеньки Вячеславненьки.

На следующий день позвонила Ольга, она вернулась в Москву, спичалась с ангелом и якобы обо всем договорилась. Скинула адрес электронной почты, через который мне предстояло держать связь со спасительницей. Прошла неделя, прежде чем я собрался с духом написать. Я русский человек, проживший до 18 лет в Советском Союзе, следовательно, к психологии, психотерапии и психиатрии всегда относился

не то чтобы враждебно, но настороженно. Когда в перестройку мой отчим увлекся Фрейдом, я любопытства ради полистал какую-то купленную им книжицу в мягком дешевом варианте и с брезгливостью, как сейчас помню, отбросил ее. На первой же открытой странице утверждалось, что младенцы какают в знак признательности матери за ее хлопоты. Кал суть не обычное говно, а искренняя, хотя и бессознательная, благодарность дитя родительнице. Чем больше гадит, чем обильнее и гуще, тем добрее его сердечко.

В общем, чтобы такой человек, как я, доверил свою депрессию кому-либо кроме подушки и ликеро-водочной продукции – нечто сродни духовному подвигу. Отчаяние усугублялось тем, что я стал бояться подходить к окну, мне регулярно становилось страшно, что я могу сдуру плюнуть на все и выброситься. Хотя при моем росте пролезть в створку проблематично, это я понимал, но все равно побаивался смотреть во двор. В конце концов, хуже не будет, решил я. В один из дождливых мартовских вечеров я написал ангелу, что меня зовут Александр, что я блатной двоюродный брат Ольги Н. и мне нужна помощь.

На мое удивление, ответ пришел через час. Наташенька Вячеславненька скинула прайс и ответила, что коли цены устраивают, то для начала ей надо составить мой портрет, понять, какой метод будет для меня оптимальным. Первым делом, указала она, следовало описать свое детство – непременно первые воспоминания, пришедшие в голову. Для удобства предложила начать мое возвращение к нормальной жизни с воспоминаний о семье по пунктам: мама, папа, бабушка и т. д. Хорошие или плохие, грустные или веселые, любые воспоминания записать и прислать ей. Заканчивалось письмо заверением, что она гарантирует полную конфиденциальность, а аванс надо будет внести только после согласования курса, его сроков и стоимости. Я поинтересовался, сколько времени у меня на описание детства, она ответила, что никуда спешить не нужно, как напишите, так и присылайте. Хотите завтра, хотите через месяц. На том наше виртуальное знакомство и закончилось.

Дед по маминной линии

Александр Гаврилович скончался от туберкулеза, не дожив до 30 лет. Мама его не помнит, в 1950-м ей был годик, когда отца не стало. Бабушка любила его всю жизнь, очень жалела и всегда вспоминала с нежностью, хотя они вместе и прожили чуть-чуть. За ним она уехала из Горького в Находку, на самый край географии, 49 дней в поездах она тряслась через Урал и Сибирь на Дальний Восток, чтобы выйти замуж, родить там ребенка, похоронить мужа, а потом вернуться обратно. Дед воевал, был ранен, а умер в мирное время. В наши дни, разумеется, его обязательно поставили бы на ноги. А тогда...

Дед по папиной линии

Василия Ивановича я никогда не видел. Мама развелась с моим отцом, когда мне было три года. Как большинство рабочих ГАЗа, он перебрался из деревни в Горький в 30-е годы прошлого века на заработки. Работал на тяжелом производстве, воевал, относительно рано умер. Подозреваю, что прозвище у него было могучее – Чапай.

Дед по линии отчима

Всю жизнь он работал в системе оздоровления общества, а именно директором различных пансионатов, санаториев и домов отдыха.

Дожив до преклонных лет, он не оставил страсть к танцам. Когда мы приезжали к нему в Дзержинск, он неизменно учил меня ступу или чечетке, как он называл этот для меня непостижимый танцевальный трюк. Он же учил меня играть в шахматы, но всегда бесился, если проигрывал мне, ученику младшей школы, а однажды стряхнул в припадке злости все фигуры с доски, а саму доску швырнул в стену. Года два мы его не навещали.

Запомнились бумажки на кнопках, висевшие по всем комнатам и в коридоре. На них жирным шрифтом было написано: «Вода!», «Плита!», «Свет!» и «Телевизор!» Мне было чудно, зачем деду подсказки. Но с наступлением депрессии я обзавелся точно такими же. За зиму я сжег две сковороды и чайник.

Геннадий Яковлевич во время войны вступил в КПСС. Когда в 80-е Горбачев дал волю СМИ и в газетах, а также на ТВ ежедневно стали выходить материалы о преступлениях коммунистов (не всех, конечно, но поток обличительных статей был бурным), как-то мой отчим за столом решил ему высказать по этому поводу.

– Батя, как же так! Ты всю жизнь в партии, а партия твоя вон что творила.

Дед задумался, потом поправил салфетку на груди, подцепил на вилку груздь и поднял стопку.

– Оглядываясь на прожитое, дети мои, скажу откровенно, максимально честно: ничего хорошего я как коммунист не сделал. Это правда.

Он выпил. Поправил крашенные в каштановый цвет волосы.

– Но, сынок, – тут он повернулся к отчиму, который картинно нахмурил лицо. – Вреда ведь от меня тоже не было.

Аргумент был железный.

Хоронили его как-то неправильно. Положили в гроб без обуви. Была зима, холод, а обратили внимание на ноги в носках только на кладбище. У могильщиков лишней пары ботинок не нашлось. Они вообще на нас, а нас было четверо (я, отчим, его младший брат и жена брата), смотрели как на идиотов. Кто-то веревкой связал покойнику ступни «чтобы не дрыгался». Почему он в гробу обязательно должен был дрыгаться, честно говоря, я и сейчас не понимаю. Хотя танцевать чечетку, конечно, он очень любил, но вряд ли стал бы отплясывать в деревянном ящике.

Не имея и капли крови этого человека, я и мой сын с удовольствием носим его фамилию.

Дед любимый

Он был вторым мужем моей бабушки, взял ее с семилетней дочкой. Дед был этнический украинец, но обрусевший настолько, что на мове знал буквально несколько слов. Помню, я удивлялся, теребил его, а он повторял одно и то же: кот – кит, картошка – цибуля. Родился он в какой-то мелкой станице в Харьковской области в 1918 году. Детство прошло в голоде и крайней нищете. В школе научили читать, четыре класса он кое-как окончил и бросил учебу. Надо было выживать. В 18 лет его забрали во флот, он от первого до последнего дня прошел финскую и Великую Отечественную. Был мичманом на Балтике, служил на минном тральщике. Однажды они подорвались на mine в Финском заливе, и весь экипаж погиб. Но раненого деда подцепили багром похоронщики, вылавливавшие трупы. Думали, что и его тело мертвое. Потом был госпиталь, оборона Ораниенбаума. Ордена, медали, конечно. Дед почти не умел писать, для него это была пытка. Маленьким

он брал меня в сберкассе, и там я детским почерком заполнял за него бумаги.

Про войну он никогда не рассказывал, никаких воспоминаний в раннем детстве я не слышал. Только когда стал подростком, мне удавалось разговорить старика, да и то это были крайне скупые рассказы. Он никогда не смотрел наши фильмы о войне. Я удивлялся, как же так, это же наши герои, солдаты, не сдающиеся в плен и никогда не рассказывающие фашистам военные тайны даже под пытками. Видимо, в какой-то момент я настолько достал деда, что он взял молоток и здоровенный гвоздь, положил мою руку на стол, приставил гвоздь к указательному пальцу и сказал, что единицы выдерживают, когда им вколачивают в каждый ноготь по гвоздю. Я страшно испугался. Позже я стал понимать, что наш кинематограф был щадящим к зрителю. Никаких оторванных рук, голов, кишок по окопам. Если пуля попадала в бойца, то у него на шинели или ватнике появлялась красная точка, и все. Как-то на 9 Мая, по-моему это было 50-летие Победы, я уже был женат, дед рассказал, как ему под Ленинградом приходилось не раз ходить в рукопашную. Как погиб на его глазах единственный друг – его парализовало во время атаки. В тот вечер я впервые увидел у моего старика слезы.

Мы никогда не ходили с ним на парады. В День Победы он надевал пиджак с наградами и выходил покурить у подъезда. Они с бабушкой всю жизнь прожили в маленьком военном городке на окраине Автозаводского района, это была сухопутная база ВМФ, одни склады с запчастями для ГАЗ-66, высокой проходимости машины. В части работали вольнонаемные – кладовщицы, грузчики, водители, охрана. Офицеров было человек 15–20. В городке располагалось три дома по два этажа – в одном 16 квартир, в остальных по восемь. Примерно 100 человек с пенсионерами и детьми. Я там провел все детство, мама с отчимом всегда отпускали меня на выходные, а уж летом вернуть меня в нашу многоэтажку во втором микрорайоне Соцгорода было сущим адом. Доходило до ругани – настолько мне не хотелось покидать стариков.

Дед, несмотря на малограмотность, любил читать. Он выписывал газету «Сельская жизнь» и не по разу перечитывал «Записки охотника» Тургенева. Кроме того, по-моему, он единственный в семье, кто прочитал все собрание сочинений Мамина-Сибиряка. Перечитывая недавно ранние рассказы Толстого, обратил внимание, что рекруты из крепостных крестьян, описываемые Львом Николаевичем, коверкали слова ну прямо как мой дед. Тухли, а не туфли, колидор, а не коридор. Табурет у него был исключительно тубаретом. Я очень хорошо учился и получил три похвальных листа за первые три класса, у меня не было ни одной четверки не только за год и за четверти, но и просто в обычных работах. Единственный раз я получил пять с минусом... из-за своего старика. Римма Ивановна дала задание классу написать правильно сложные слова. Одно из них было целлофан. Благодаря специфической устной речи деда я написал «салофан». Его у нас было в избытке: в гараже, в сарае, «салофаном» мы накрывали парники в огороде, а «салофановые» пакеты бабушка не выбрасывала, а стирала и сушила на кухне. С учетом украинского происхождения старика сегодня это слово звучит комично, но тогда меня учительница пожурила и заставила пять раз написать его на доске как полагается. Остальные, кстати, писали тоже черт знает как – цилафан, цулуфан и т. д.

Дед был охотник, пока позволяло здоровье. Но я этого не застал, как и его собак. В моем детстве он только ездил на рыбалку и за грибами.

Часто он брал меня и всегда удивлялся моей лени. Я предпочитал ловле рыб и собиранию грибов сочинять всякую чепуху. При мне обязательно был карандаш и блокнот.

Моя бабушка – из дворянского рода, один из моих предков – Николай Добролюбов, знаменитый в XIX веке демократ, критик и поэт. У него не было детей, он рано умер. С недавних пор я живу напротив его памятника. Родственник сидит справа от парадного входа в драматический театр. Мне они очень нравятся: и скульптура, и классик. Я даже прикупил столетней давности издание его программных статей, очень интересно. Кроме того, мне импонирует, что он в юности был страстный и увлекающийся молодой человек. Был влюблен в двух проституток.

Вероятно, из-за того, что жена была потомственное «ваше благородие», дед никогда не обронил матерного слова. Они с бабушкой ругались «собакой». Кстати, в переписке Курбского с Иваном Грозным последний кроет изменника тоже исключительно «собакой».

Я не застал, как дед пил, а пил он ужасно, по воспоминаниям мамы и бабушки. После войны вообще алкоголизм был настолько распространен, что моя мать была уверена, что женская доля самая несчастная – мужики лопают до безумия и бьют ни за что ни про что жен. Например, младший брат бабушки уходил на фронт 20-летним парнем без вредных привычек, а вернулся пьяницей. Единственное, что он был тихим, не дрался. Его назвали Генрихом в честь немецкого поэта Гейне, но с началом войны он сменил имя на Геннадий. Усугубляло его пьянство вечные подколки и насмешки мужиков. Дело в том, что Генрих Петрович вернулся с ранением в пятку. Злые на язык фронтовики постоянно выговаривали ему, мол, медленно драпал, надо было быстрее, трус. Доказывать, что осколки от гранаты не разбирают, куда летят, он устал и действительно довольно быстро спился. Я ему случайно приклеил прозвище Генадил («Приключения Чебурашки и Крокодила Гены»), оно так рассмешило бабушку и деда, что до гробовой доски он так и проходил у нас как Генадил.

В общем, я пьяным деда не видел никогда. Три стопки, и то в большой праздник. Последний его запой случился в 1976 году, когда мне было три года. Бабушка и мама вместе со мной уехали к родне того самого Генадилы в Заволжье. Дед протрезвел, пару недель похорохорился, а потом затосковал.

В моей семье по маминой линии все писали стихи: мама, бабушка, прабабушка, а также прадед и остальные. Хитрый хохол не только бросил калдырить по-черному, но и сообразил, как растопить сердце «вашего благородия». В Заволжье он приехал с букетом и стихами (этот листок из тетрадки хранится в семейном архиве). Представляю, как он мучительно подбирал слова. Вот они:

В моих объятиях мы снова обнялись
И слова грусти невежливо полились.
Но снова мы не поняли друг друга.
Ну что же. Так и быть.

Я спрашивал уже взрослым после смерти старика, как бабушка отнеслась к такому обороту дела. Она ответила, что первое желание было в морду ему букетом двинуть, а потом всю дорогу назад в электричке хохотала. Это было первое и последнее стихотворение, посвященное

ей мужчиной, пусть и малограмотным. Но она отдавала ему должное, само собой, взял себя в руки, в доме прекратилась пьянка.

В первом классе к дню рождения вождя мирового пролетариата у нас было классное собрание. В какой-то момент учительница спросила нас: кто самый лучший друг детей? В принципе, портрет висел над школьной доской, и догадаться, мягко говоря, было нетрудно. Однако все молчали. Она еще раз повторяет вопрос и делает подсказку:

– Ну же, дети! Ильич! Знаете Ильича?

– Да! – радостно завопил я. – Я знаю.

– Говори, Саша.

– Лучший друг детей Тихон Ильич!

– Какой еще Тихон Ильич? – изумилась Римма Ивановна.

– Мой дедушка.

Я был знаком с Лениным только по книжкам, а своего старика знал прекрасно и искренне любил. Он действительно сыграл в моем становлении огромную роль. Причем дед никогда меня не воспитывал в прямом смысле слова, не наказывал, не ругал, не поучал и не внушал правильные мысли. Он просто жил удивительно добрым и скромным человеком, безотказным. Меня же он называл «безлаборным». Вероятно, он сразу понял, что к физическому труду я органически не готов. Он не заставлял меня помогать ему в гараже, если ломался мой велосипед, то он чинил его сам. В огороде мне доверяли только поливать, а копать и высаживать рассаду помогать не просили. Во мне билось сердце «вашего благородия», или, честнее сказать, редкого лентяя.

С дедом связана первая мистическая, если так можно выразиться, история, приключившаяся со мной. В 2006 году я был в длительной командировке в Новосибирске, тогда я работал в ИД «Жизнь» и нагрнулся в филиал, чтобы сменить главного редактора (девушка напивалась прямо в редакции, и никакие выговоры и штрафы на нее не действовали). Пока я выбирал кандидатуры, проводил собеседования, у меня на правой ноге ближе к паху внезапно выросло нечто отвратительное. Жутко пахнущий нарост со спичечный коробок. Я откладывал поход к медикам, наивно делал примочки марганцовки, но к ноябрю сильно похолодало, и, возможно, из-за этого мерзкое новообразование стало увеличиваться и кровоточить. Я уже собрался сдаваться докторам, как вдруг мне звонит из Москвы шеф и срочно отправляет в Красноярск – в местном филиале отчаянно запил главный редактор, но не девушка, а мужик лет 50–55. Я утверждаю женщину в Новосибе и через день мчусь в Кырск. В самолете я подхватил ОРВИ от соседа и по прилете слег с высокой температурой. В гостинице я валялся в поту, ничего не ел, старался больше спать. На третий день мне стало немного легче, и я достал из чемодана книгу замечательного чукотского писателя Юрия Рытхэу «Сон в начале тумана» (вторая повесть называлась «Иней на пороге»). Я проглотил ее за две ночи. Заканчивалась она печально: чукчи на лодке отправляли в океан старика. Он умирал, и по их обычаю родные провожали его в последний путь таким образом. Я закрыл книгу в слезах, была глубокая ночь. Я не мог представить, чтобы я отправил еще живого деда в ледяной океан.

Утром я пошел в душ. Гадкого разросшегося непомерно нароста в паху не было. Более того, не осталось даже намек на то, что он когда-либо был. Я не мог поверить и, ошарашенный, поплелся на работу увольнять пьяницу. Не дошел шагов ста до редакции, как раздался звонок на мобильник. Бабушка сообщила, что сегодня ночью скончался дед. Во сне, без мучений.

Считайте меня, Наташенька Вячеславненька, сумасшедшим, но я точно знаю, что это мой старик забрал с собой мою онкологию. Я уточнил время смерти. Бабушка сидела у его кровати, она сказала, что Ильич умер в половине первого. По местному времени в половине пятого. Ровно в половине пятого я в слезах закрыл последнюю страницу книги.

2

В конце марта ангел ответил, что начало положено, но надо продолжать – мама, бабушка, братья и сестры, воспитатели, учителя, соседи, друзья во дворе. Я возразил, что мне не один месяц придется писать, а я, между прочим, работаю, пусть и удаленно, из дома. Кроме того, у меня есть личная жизнь, депрессией сильно исковерканная. Наташенька Вячеславненька настаивала, что без подробного описания детских лет невозможно начать работу с психическими травмами, приведшими спустя почти полвека меня к гнетущему состоянию. Хорошо, плюнул в сердцах я, ждите.

Личная жизнь моя в ту весну сводилась к вялотекущему полуроману с замужней женщиной на 15 лет меня моложе. Мне казалось, что я влюблен, что подтверждалось кучей написанных стихов (я пописываю со школы, но, увы, не достиг каких-либо более или менее вершин, топчусь на мелких кочках большой поэзии и делюсь виршами только с близкими друзьями). Со стороны В., как я уже писал выше, в мой адрес выказывалась симпатия, искренняя, в этом не могло быть сомнений, но только симпатия. Поэтому полуроман. Мы изредка посещали концерты, чаще обедали или ужинали в кафе, все было невинно и романтично. Единственный раз в подпитии я набрался смелости и попросил поцеловать ее руку. Поцеловал и вдруг понял, насколько я старомоден, неуклюж и смешон.

Два дня после этого я выпивал с другом Ильей, рассказал ему про В. и про свои чувства, бесперспективные и уродливые. Друг эмоционально поддержал, но все было бесполезно. Я с ужасом считал недели и месяцы до полтинника.

В апреле я пригласил В. в театр. Постановка оказалась тягостной и нудной, мы ушли в антракте. Посидели в «Шоколаднице», выпили по бокалу вина. Время было позднее, девушке постоянно звонили то дочь, то сын, то муж. Мы дошли до ДК имени Свердлова, и она умчалась от меня на муниципальном электросамокате. Красивая 34-летняя муза. Господи, как же я был жалок сам себе. Я стоял и смотрел, как В. изящно управляет непонятным мне транспортным средством, вокруг радовались жизни и теплomu весеннему вечеру толпы людей, а я окончательно понял, что пришла старость.

Ни в апреле, ни в мае я ничего не писал для Наташеньки Вячеславненьки. Уехал к товарищу в глухую деревню и там пробыл до середины июня. Чтобы не сойти с ума окончательно, взялся за план романа под названием «Грязные пятки прошлого». Его идею мы разработали совместно с В., и я хотел, чтобы она в процессе помогла мне с женскими персонажами. План набросал, даже написал первую главу, но потом забросил и не знаю, вернусь ли когда-нибудь к работе над ним.

Однажды мне написала в мессенджере Ольга. Спросила, как продвигается мой курс психотерапии. Я честно ответил, что сижу в глуши на Ветлуге и ничего не хочу. Она снова меня отругала по-дружески, вежливо, без грубости, но чересчур нудно. В итоге я пообещал вернуться

к своим детским травмам в конце лета. Июнь и июль я провел в Нижнем с сыном Сашей, приезжавшим ко мне на каникулы. В августе получил письмо по электронке от ангела, в нем был знак вопроса, и все.

Я через силу вернулся к писанине.

3

Прабабушка по маминей линии

Нина Александровна родилась в 1900 году в семье православного священника и дворянки из рода Добролюбовых. Училась в гимназии, после революции и Гражданской войны вышла замуж за Петра Петровича Нефедьева, принципиального большевика. Он был умным и истово верящим в идеалы коммунизма человеком. В 30-е годы работал в Кремле со Ждановым. Жданов отправил его спасать колхоз в деревню Исупово на тот момент, если не ошибаюсь, Большеболдинского уезда. Он его поднимал, поднимал, но в одну из летних ночей 1938 года за ним приехали, и больше его никто не видел живым. По доносу он был расстрелян. Нина Александровна получила от него письмо из пересыльной тюрьмы, в котором он умолял найти какого-то товарища в Кремле и рассказать, что в стране репрессируют самых честных большевиков, что надо немедленно писать товарищу Сталину, его обманывают, ему не докладывают, его окружили подхалимы и лизоблюды, ну и все в таком роде. Прабабушку, еще молодую 38-летнюю женщину, объявили женой врага народа. Отец же ее, Александр Васильевич, к тому времени отбывал второй срок в ГУЛАГе тоже по доносу. Ему вменялось, что он-де проповедовал у себя в приходском храме, что впереди нас ждет Царство Божие, а построение коммунизма в обозримом будущем невозможно. Я не знаю, где его могила. Семье сообщили, что он скончался под Архангельском.

Итак, Нина Александровна осталась с 14-летней дочкой по имени Нинель (Ленин задом наперед, так назвал муж) и 12-летним сыном Генрихом (так назвала его прабабушка). На работу ее не брали, жить было не на что, впору лезть в петлю. Но, по счастью, на ее письмо откликнулся брат мужа Владимир, тоже большевик, но поднимавший село в Сибири. Он написал, чтобы они бросали все и ехали к нему в Тюменскую область. Электронного документооборота, слава богу, не существовало, и в далеком маленьком Ишиме несчастная семья нашла приют. Нина Александровна всю жизнь работала учительницей начальных классов. Советскую власть, естественно, ненавидела. В 1953 году после смерти отца народов она получила справку о реабилитации невинно расстрелянного супруга и – вот уж верх цинизма! – его рубашку с бурыми пятнами крови. К тому времени она уже вернулась в Горький, после войны врагов народа стали выискивать без бывшего энтузиазма.

Я помню ее сухой, невысокого роста старушкой, она шесть лет прожила с нами до самой смерти в 1986 году. Она не читала советских газет, только еженедельник «За рубежом». За 86 лет бывшая гимназистка и поповская дочь так и не побывала нигде, кроме Сибири. Нина Александровна везде возила с собой Новый Завет, Псалтирь и Молитвослов. Читала и молилась на церковнославянском. Умерла быстро и тихо, дней десять полежала без сил и отдала Богу душу.

Я не любил ее, она была очень замкнутой и редко выходила из своей комнаты. Часто плакала по ночам, и меня это дико раздражало, маленький счастливый человечек, откуда я мог знать, какое горе на своих

худеньких плечах вынесла эта женщина. Что такое моя депрессия, тоска сытого и здорового мужика, по сравнению с ее трагедией.

Черт возьми, Наташенька Вячеславненька, зачем я все это пишу?

4

Сентябрь я проболел. Простыл, кашлял, высек из носа несколько литров белых соплей, потел по ночам и мерз в светлое время суток. Я начал тяготиться собой еще больше. Общение с друзьями и подругами ограничивалось переписками, но они, мессенджеры, меня изводили. Я люблю своих друзей, их не так много, я очень люблю своих подруг, их еще меньше, но осенью я сделал вывод – или я покину «эфир» и приведу себя в порядок в полном одиночестве, или все закончится мостом над Волгой и вздутым синим трупом. Впрочем, в сентябре у меня не поднялась рука удалить аккаунт во «ВКонтакте» и заблокировать всех абонентов в телефоне. Я это сделал позже.

К концу месяца жар и озноб прошли, горло смягчилось, нос больше не протекал. Купив две бутылки коньяка, я затворился до 1 октября и, отхлебывая по глоточку, возобновил свои «мемуары». Ольга продолжала мотивировать меня в своем стиле, я суетливо огрызался, но ноутбук исправно держал под рукой.

Отец

Ивана Васильевича я почти не помню, очень смутные воспоминания. После развода мама водила меня к нему домой, почему-то я запомнил дом, подъезд и обстановку в квартире, а папу вижу как в тумане. Он был огромного роста (2 м 5 см), работал на ГАЗе и здорово играл в баскетбол. Однажды за ним специально приехали скауты из ЦСКА и уговаривали перебраться в Москву, обещали, что за два-три года в лучшей команде страны он обязательно вырастет в игрока сборной СССР. Но батя был молод и не обладал характером. Его деревенская мама, моя бабушка Раиса, наорала на него, сказала, что в столице он пропадет без нее, и настрого запретила думать о спортивной карьере. На тяжелом производстве, зарабатывая большие деньги, он надорвал здоровье и умер в 35 лет от кровоизлияния в мозг. Глядя на сохранившиеся у мамы свадебные фотографии, я всегда поражаюсь, насколько отец был похож на итальянского актера Адриано Челентано. Надо сказать, что в средней школе я воспользовался и своим отдаленным сходством с Челентано и в самостоятельности с оглушительным успехом у одноклассниц исполнял комический номер на песню «Сюзанна, мон амур».

Со слов мамы, однажды Иван Васильевич был отправлен с коляской выгулять ребенка. Через час он вернулся.

– А где сын? – закричала она.

Оказалось, что папаша забыл меня в пивном павильоне, куда завернул со своим другом Бобом. Насмерть перепуганный отец пулей метнулся, обнаружил меня на месте, заботливо укачиваемого сердобольными работягами. Развод был неизбежен.

Слабый, мягкий характер долгое время был и у меня. К примеру, я страшно стеснялся в детском саду подойти к Деду Морозу и Снегурочке. Есть снимок, на котором я с ужасом смотрю на них, а вокруг сплошь смеющиеся радостные сверстники. В школе до 8-го класса я был почти незаметен. Но потом по ТВ показали серию передач «Музыкальный ринг» с рок-музыкантами из Москвы и Ленинграда, и я пропал,

как и пропала моя скромность. Я хотел быть Кинчевым, Гребенщиковым, кем угодно, но только не обычным мальчиком. Мне купили гитару, мама показала простейшие аккорды, и я принялся сочинять чудовищно бездарные песни. Но об этой стороне моего детства, Наташенька Вячеславенька, я черкну подробнее в другой раз.

Да, в детсад я ходил Горшковым, в школу пошел Григорьевым.

Отец-2

Юрий Геннадьевич, второй муж моей мамы, служил в театре комедии. Он имел взрывной характер, хотя вообще не употреблял алкоголь, даже на Новый год. Ко мне относился очень хорошо, но это доставляло мне массу проблем. Сообразно своим детским мечтам, отчим последовательно делал из меня артиста. Учил фехтованию, купил боксерскую грушу и мучил меня однообразными восторженными рассказами про кумиров его молодости Валерия Попенченко и Мохаммеда Али. Помимо этого он подсовывал мне книжки про разведчиков. Его тетка была шпионкой, ее рассекретили спустя несколько десятилетий после войны, и, если мне не изменяет память, она никогда не покидала Германию, где выполняла поручения Центра. Кажется, ее имя помещено в какую-то энциклопедию советской разведки. Шпионом мне одно время нравилось быть, я научился бесшумно ходить и пару раз до смерти напугал бабушку, подкрадываясь к ней в самый неподходящий момент. Но главное, что мне дал Юрий Геннадьевич, – любовь к поэзии. Он знал наизусть несметное количество стихов. Он читал их вслух, когда принимал душ, чистил зубы, справлял нужду в сортире. Навсегда врезалось в память, как он демонически гротескно хохотал на кухне: «А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?» Я не мог, мама тоже, больше никого дома не было, но отчим не унимался и повторял, как заведенный, свой вопрос.

Он умел вставать на голову и ходить таким макаром по пляжу. Он тщетно пытался заставить меня бегать стометровку. Я отказывался тягать гантели и гири, чем возмущал его необыкновенно. В 15 лет он отвел меня в театральную студию при ДК ГАЗа, где я познал чувственные отношения с девицами 18, 20 и 22 лет от роду.

Каждую весну с ним случались сезонные нервные припадки на пустом месте. Меня это не касалось, но с матерью они ругались нещадно. В такие часы я его ненавидел, однако боялся выйти из своей комнаты. Уже на пенсии мать как-то спросила его, мол, чего ты лаял как безумец, на что он не смог дать внятный ответ. Полагаю, что он просто не контролировал себя. Его мать лечилась когда-то от шизофрении, скорее всего ему что-то и перепало от бабы Нади.

В 1985 году родилась моя сестра Катя. Еще десять лет отец с мамой прожили не бог весть как и к концу 90-х развелись.

Был случай, когда я им очень гордился. Он работал летом 1983 года массовиком-затейником в пансионате «Буревестник», развлекал отдыхающих утром и днем, по вечерам же народ тусовался на танцплощадке или в кинозале. И вот в один вечер должен был состояться концерт джазового квартета, музыканты то ли выпили чего-то паленого, то ли закусили несвежей колбасой, но из троих один свалился с отравлением. Мужики в унынии были готовы отменить выступление, ну как играть без контрабаса, стенали они. Юрий Геннадьевич не моргнув глазом сказал, что им неслыханно повезло, ибо он в армии два года щипал струны именно контрабаса. Те обрадовались, расцеловали его и вручили инструмент.

Мы сидели в зале с мамой и были свидетелями ошеломляющего триумфа джаза. Папаша был молод, всего 34 года, высок и строен, на нем был полосатый костюм на голое тело наподобие того, в котором ходил Остап Бендер в фильме Марка Захарова, а на голове ковбойская шляпа. Юрий Геннадьевич отчаянно крутил и вертел контрабас, он подпрыгивал сам, и с ним взлетал в воздух тяжелый коричневый инструмент. В финальном номере мой приемный родитель обнял лакированную дуру, как обнимают женщин во время танго, и стал носиться по клубной сцене. Во время энергичного соло барабанщика он наклонял контрабас то вправо, то влево, имитируя эротические позы. Что творилось в зале!

Помню недоуменное лицо мамы. Муж впервые в руках держал струнное чудовище и не имел музыкального слуха от слова совсем.

Дома у нас был проигрыватель виниловых пластинок. Мамина стопка – Чайковский, Гайдн, Моцарт. Папина – Армстронг, Гиллеспи, Питерсон. Ну и мои диски со сказками и спектаклями. До сих пор я кое-что сохранил. Например, у меня есть винил с концертной программой Карцева, Ильченко и Жванецкого с автографом последнего.

От Юрия Геннадьевича я узнал о Бродском, книжечку «Назидание», первое издание в перестроечном Союзе, бережно храню и вожу по всем городам и весям. Когда-то она перевернула мое юношеское представление о стихах.

Четверть века назад ты питала пристрастие к люля и к финикам, рисовала тушью в блокноте, немножко пела, развлекалась со мной; но потом сошлась с инженером-химиком и, судя по письмам, чудовищно поглупела.

А вот театр я не любил. В новогодней сказке отчим играл Волка. Я с одноклассниками сидел в третьем ряду и был поражен коварством Зайца и Деда Мороза. Дьявольские уловки, подлые ловушки, я кипел от возмущения. Когда же в конце представления Волк спрашивал школьников, куда ему идти – вправо, где за елкой его ждала рыболовецкая сетка помощников бородатой сволочи, или влево, где был теремок и через него можно было улизнуть за кулисы, – то я диким криком орал «налево!». Остальной зал наперекор мне вопил «направо!». Я вскочил на кресло и начал активно махать руками, меня поддержали одноклассники, наш третий ряд неистово помогал несчастному Волку. Прибежала классная руководительница и, шикая на нас, стала усаживать на места. О, как я плакал от обиды.

Второй раз я разревелся во время спектакля «Рядовые» о последних днях войны. Юрий Геннадьевич глупо погиб на сцене, с гримасой невыносимой боли завалился на один бок, и его товарищи по взводу молча сняли пилотки. И хотя я понимал, что через полчаса увижу отчима живым и невредимым в гримерной комнате, я все равно ревел.

Спасибо, па. Это дорогого стоит.

Октябрь не принес мне облегчения. Навязчивая мысль о грядущем полтосе рвала сердце. Анализируя собственные страхи, я припомнил, как был с бабушкой на юбилее то ли соседа по городку, то ли коллеги по хору, который она много лет посещала. Юбиляр был пухлый,

заметно лысый, короткий и в розовой рубашке. Поднимались люди, что-то зачитывали по бумажке и передавали через сидящих поздравительные папки виновнику торжества. Все папки были одинаковые – бордовые с золотыми цифрами 5 и 0.

Через месяц или чуть более именинник скончался, и бабушка долго причитала «такой молодой, вся жизнь впереди». Меня такое мнение о покойнике удивляло. В моем тогдашнем представлении и в 40 лет жить уже необязательно. А то что прабабушка, бабушка и дедушка живы, так это потому, что мы из рода долгожителей.

Несколько раз я виделся с В. Что-то говорил, о чем-то шутил, но подсознание давило: я старый, старый, старый баран. Ольга куда-то пропала, я ей не отчитывался больше.

Бабушка по отцу

Бабу Раю в осознанном возрасте я видел один раз, и она меня сильно испугала. Я стоял на остановке, как вдруг мне в руку вцепилась старуха в черной юбке до пят и такого же цвета кофте. Она трясла меня и заглядывала в глаза.

– Ты Саша? Саша Горшков? – дребезжала она.

Я к тому времени свою первую фамилию крепко забыл. Пришлось вспомнить.

– Да, – говорю, а в голове крутятся мысли о ведьмах, которыми мы в пионерском лагере стращали друг друга после отбоя.

Баба Рая что-то мямлила, заплакала, потом сказала мне на ухо противным голосом, что она завещает мне двухкомнатную квартиру, что она всегда меня помнила и будет помнить.

Я вырвался и вскочил в первый подъехавший автобус. Больше я ее никогда не видел. Квартиру, разумеется, тоже.

Бабушка по отцу-2

Баба Надя была тихая женщина, при чрезвычайно импульсивном муже-танцоре провела незаметную жизнь. Меня она видела раз в год, а то и реже, отчего ни я к ней, ни она ко мне не успела привязаться.

Бабушка любимая

Она родилась в 1924 году, когда умер Ленин. Думаю, что отец дал ей имя Нинель исключительно в память о Владимире Ильиче. Я мог бы написать повесть о ее сложной жизни, Наташенька Вячеславенька, поверьте, бабушка это заслужила. Дочь врага народа, двое скоропостижно скончавшихся сыновей, любимый муж, умерший совсем молодым, и 60 лет бок о бок со вторым супругом, брак, принесший ей и слезы, и радости, но слез в определенный момент, увы, было больше. Я поделюсь только некоторыми воспоминаниям из детства, не буду забегать по возможности в подростковую и взрослую жизнь.

Во-первых, она хотела меня назвать Борисом. И ей почти удалось уговорить маму, но, по счастью, в последний момент мне дали более приятное на слух имя. Во-вторых, я был первым внуком из пяти, а потому самым любимым.

Бабушка пела в хоре, пела дома, в школу я пошел с необычным для малыша репертуаром. Я зубок знал «У деревни Крюково погибает взвод», «Опять от меня сбежала последняя электричка» и «Морально разлагается коленками назад» (про кузнечика-развратника). Из дома отдыха она привезла песню алкоголика на мотив «Я не могу иначе».

Не пившая ничего, кроме кофе и чая, Нинель Петровна вдохновенно распевала со мной такие куплеты:

Смерть позовет, и я приду,
камнем в могилу лягу,
но буду пить, пока живу,
водку, вино и брагу.

Дед иногда гнал самогон, и наши выступления специально для него были особенно памяты. Самогон, к слову, был необъяснимо вонюч, Тихон Ильич постоянно экспериментировал то с апельсиновыми корками, то еще с чем-то. Бывало, что у меня натурально начинала от запаха болеть голова. Бабушка говорила, что старик варит чудо-лекарство. За чудо-лекарством и днем и ночью прибегали соседи, но почему-то только мужского пола. Женщины в военном городке, как я понял, были меньше подвержены простудам.

Бабушка интересовалась политикой и не пропускала не только программу «Время», но и «Сегодня в мире», и «Международную панораму». Благодаря ей в первом классе я мог назвать столицу любого более или менее значимого государства, а также всех вождей стран социалистического лагеря. Войцех Ярузельский, Тодор Живков и др. Президентов США, начиная с Рузвельта и заканчивая Рейганом, я тоже знал как родных.

Бабушка учила со мной детские стишки. Некоторые мы исполняли по ролям. Она же слегка хулиганила, когда была в хорошем настроении. Научила глуповатым шуточкам ее молодости.

Про татаро-монгольское иго:

Се Русь! Се Русь! – сказал Мамай
и с раной побежал в сарай.

Разбудите меня ночью и спросите, как башкиры называют пальцы на руке. Я отвечу без запинки. Это тоже бабушка. Нахваталась у соседки по послевоенному бараку.

А в 1984 году мы с ней ездили в Исупово, где так трагически закончил свой мирный путь ее папа. Деревня меня поразила. Она уже была полупустая, практически не было молодежи, много домов стояло заколоченными. Но я видел настоящее стадо (стадко) коров, они томно мычали, меня прокатили на тракторе и комбайне, я был ошарашен тем, что все дети курят папиросы и родители не обращают на это внимания («Мужики растут, что тут такого?»). Отдельное наслаждение доставила русская печь, на которой меня разместили. Про каленные в печи яйца и кашу из печи говорить не буду. Такого в городе не попробуешь.

Единственное, что меня привело в негодование, так это поход со старухами в баню. Мне было 10 лет, но я уже знал, что у мальчиков кранчик, а у девочек дырочка. Однако дырочки, увиденные мною в бане, седые распущенные, как у русалок, волосы, титьки до пупа, складки на влажных от пара телесах заставили меня содрогнуться. Никакого эротического подтекста, естественно, у меня в силу возраста не могло быть, а вот страху я натерпелся вдоволь.

У бабушкиной подруги детства, где мы квартировали, как-то проходили поминки. Умерла пенсионерка. Собрались старухи, накрыли стол. Сначала попричитали, всплакнули, потом стали обсуждать колхозные

новости, потом алкоголь разогнал кровь, и начались песни. Когда бабки опьянели окончательно, понеслись частушки, не всегда пристойные, и закончилось все кадрилию. Я с восторгом смотрел на шабаш с печки, где лежал вместе с котом и подшивкой журнала «Филателия СССР», с которой в тот год я не расставался.

Еще мне запомнилось, что крестьяне жили очень бедно. Вместо обоев на стенах изб красовались черно-белые газеты. В сельмаге стояли консервные банки с морской капустой, выложенные в большую египетскую пирамиду. Других продуктов не имелось. Зато имелись галоши и махорочный табак. Хлеб разбирали с утра, молоко покупали у зажиточных. То есть у тех, кто держал корову или козу.

Домой я вез несколько подсолнухов с семечками, во дворе среди ровни они произвели фурор.

6

Ноябрь ознаменовался настойчивыми сообщениями от Ольги, она зывала к моей совести, требовала не останавливаться, потому что она за меня «впряглась», а наш ангел до сих пор не получил главного героя моего детства – маму.

Тем временем я все стремительнее сползал на дно депрессии, если таковое вообще у нее есть. Мне снились дурные сны, через ночь или две мне приходила во сне пенсионерка в откровенных нарядах. Я ее знал шапочно в реальной жизни, но никогда не видел ни в чем, кроме осеннего пальто с плотным шарфом вокруг шеи. Теперь же она выводила меня из себя недвусмысленными намеками на близость, а в одну из мрачных ноябрьских ночей совсем потеряла совесть и забралась ко мне в ванную абсолютно голой. Нет бы мне хоть раз приснилась В. обнаженной или в раздельном купальнике. Но ведь даже в сплошном не снилась. Бабка, правда, была в отличной форме и выглядела гораздо моложе своих лет. Но, милая, милая моя В., если бы ты знала, что ни одна женщина не может сравниться с тобой. Так всякий раз я в полубреду бубнил, просыпаясь от неприятного сексуального видения.

Нервы расшатались до омерзения. Кончилось все безобразно.

Я решил выбраться в музей Рукавишников, и во время экскурсии меня стошнило. В тот же позорный вечер я удалил с телефона приложение «ВКонтакте», удалил приватный телеграм-канал, который я вел для двух десятков своих друзей и подруг, заблокировал все номера телефонов, оставив только хозяйку квартиры, мать, сына, жену и сестру. Ну и по работе парочку контактов. Я решился-таки исчезнуть с радаров. Тяжелее всего было прекратить волшебное общение с В. Несколько дней я изнурял себя сомнениями, потом удалил и ее.

Само собой, я догадывался, что внезапное исчезновение вызовет недоумение у моих товарищей. Я знаю, что всем им по-своему дорог, они искренне меня любят и не виноваты, что я весь 2023 год сходил с ума от бредового ужаса перед 50-летием. Но я был уверен, что меня поймут. Позлятся, но поймут. В конце концов, большинство знало меня не год и даже не десять лет, а кое-кто и 25–30. Вряд ли кто-то сомневался, что я с прибабахом. Но так продолжаться больше не могло, мне жизненно необходимо было остаться наедине с Наташенькой Вячеславенькой. Ольгу я предупредил, что меня хватятся общие знакомые и чтобы она не проболталась. Потом сам все расскажу, написал

я ей, конечно, если психотерапия вернет меня людям в приемлемом состоянии души.

Я остался один. Последний рывочек.

Мама

Светлана Александровна шла на аборт, но врач на руках у нее пови-сла и не дала совершить убийство. Так в декабре 1973 года я появился на свет, про аборт, конечно, узнал уже взрослым дяденькой.

Пушкин не написал ни одного стихотворения о матери, а Есенин написал пронзительные. Я тоже не пишу стихи о маме, мне и сейчас, Наташенька Вячеславненька, тяжело собраться с мыслями. Все мы че-ловеки, как говорится, все любим родителей. У меня точно не было никаких психических травм, связанных с ней. Я жил как медвежонок Умка, как мамонтенок, державший мать за хвостик. Никого роднее и важнее не было все мое детство. Она научила меня не только читать и считать, это вовсе необязательно для детского сада. Размышляя не один месяц над этой частью моих самокопаний, моей исповеди, если угодно, я думаю, что самое главное, чему она меня научила, – жалость к женщине. Не в пошленьком смысле – какие вы жалкие, сирые и убо-гие. Нет, разумеется. А в том смысле, что мир жесток и миром правят мужчины. Глобально. Я часто влюблялся, меня отвергали, я отбры-кивался, я четырежды был женат, и, смею уверить, всегда счастливо. По крайней мере, я был точно счастлив. На склоне лет, не на закате, на склоне, мне кажется, что все во мне хорошее суть работа матери. Ежедневная, терпеливая работа. Мне не в чем ее упрекнуть, не на что затаить обиду.

В 1995 году на даче у подруги моего любвеобильного друга зашел разговор о мужской дружбе. Старшие парни горячо выражали мысль, что только мужчины верны слову, что только друзья придут на помощь. Девушки фальшиво улыбаются и охотно поддакивали, нас ждала сов-местная баня и шампанское. Я тогда сказал, что не пророню слезы, ког-да умрет мать, потому что мы стали далеки, как Земля и Марс, а если умрут мои друзья, то жить не вижу смысла. Ни любвеобильного друга, ни девиц, их след давно простыл, а мама с каждым днем все ближе и ближе мне. Не поверите, Наташенька Вячеславненька, она до 13 лет брала меня за руку, когда мы переходили дорогу. Я злился и вырывался. Моему сыну 14, и я до сих пор инстинктивно хватаю его на пешеход-ном переходе. Добрый пацан не вырывается, он лучше, он вообще во всем лучше, и это меня окрыляет, что ли.

Я не знаю, что там вы, психотерапевты, считаете основным инстин-ктом, но у нас с мамой он называется страх за жизнь ребенка. Какого бы возраста он ни был. Думаю, что у большинства людей он тот же. Мы же просто сын и мама. Как все.

Первого декабря на электронную почту упало письмо от ангела. Это все, интересовалась она, а где друзья детства, где драки, унижения, сле-зы, где травмы? Я ничего не ответил. Отстаньте вы, без вас тошно.

Через неделю позвонила Ольга и сообщила, что будет сутки в Ниж-нем, не хочу ли я выпить по бокальчику.

Мы встретились в «Шоколаднице», я пришел раньше и тоскливо смотрел, как за окнами горят новогодние огни. Когда-то мы любили

посидеть часок-другой с В. в этом кафе. Поздняя любовь или блажь неуравновешенного чудака? Бог знает. Я уже ничего не понимаю.

– Ну, здравствуй, родной, – воскликнула Ольга и, сняв пуховик, присела напротив. – Как же прекрасен зимний Нижний! Я буду пиццу и бокал белого вина. Любого.

Сделал заказ, от улыбки старой подруги, как у Крошки Енота, стало веселей.

– Как твоя депрессия? – задорно спросила она и подмигнула.

Я вынул из-под стола небольшой букет и протянул ей.

– Ты меня сейчас спрашиваешь как Ольга Владимировна или как Наташенька Вячеславненька? Только не надо округлять глаза, я догадался.

– И давно? – она очень тепло рассмеялась, я как-то стал забывать, как смеются женщины.

– Нет, не очень.

Принесли вино и пиццу. Кафе шумело, слышался смех то за одним, то за другим столом. Я поднял бокал.

– Спасибо, – вот все, что я смог сказать, хотя заранее приготовил речь.

Мы выпили, потом еще, потом я посадил Наташеньку Вячеславненьку в такси, и она умчалась в ночь к брату и племянникам. Я зашел в «Спар», кивнув по дороге Добролюбову, купил сигарет и банку кофе. Не спеша вернулся в свою келью и долго не мог заснуть. До проклятого юбилея оставалась неделя.

8

15 декабря я проснулся, как обычно, около четырех утра. Включил свет на кухне и обомлел. На полу лежал мертвый мышонок. Впервые за свою жизнь я проснулся в одном помещении с трупом. Нагнулся, потыкал пальцем. Труп. Рот у мышонка был широко раскрыт, и белые зубки блестели от электричества. Я сфотографировал тельце на телефон, затем взял салфетку и закинул грызуна в мусорный пакет. Меня поразило не само появление мертвеца в квартире, а конкретная дата его появления. Не 14 и не 16 декабря. Не в 2022 и не в 2024 году. Ну почему именно в полтинник, в самый гадкий день моей жизни, у меня на полу у холодильника погибает животное?

Кое-как дождался девяти утра и скинул фото Ольге. Что это, спросила она в мессенджере. Я в красках рассказал про странную находку.

– Как ты, Наташенька Вячеславненька, объяснишь мне подобную мистику? Давай, я жду.

– Очень просто, родной. Это умерла твоя маленькая и глупенькая депрессия. Ты свободен, страха больше нет. Напиши своей музе, не будь дураком. Я прошу тебя. Как Ольга Владимировна.

Спустился во двор, выкинул в бак пакет с мышонком. Покурил, постоял на морозе. Никаких логических объяснений в голову не приходило. Вернулся, кряхтя, к себе. Лег на диван и, опустошенный, уставился на большой фотопортрет В. над книжной полкой. Соседка за стеной на неприлично высокой громкости слушала новости по телевизору. Живая сила противника успешна уничтожена.